

Валентин Распутин — Слово, обращенное к Верховному Совету СССР

Просить слово меня подтолкнуло недавнее выступление министра культуры под руководством которого выработывался проект постановления о неотложных мерах по пресечению пропаганды порнографии и насилия. Нельзя, но можно — таков вкратце смысл его выступления. Конечно, мол, ничего хорошего, но жить и мириться, особенно при известном регламентировании, можно. Баловались запретным плодом и Гомер, и Вергилий, и Шекспир, и другие великие, без эротики искусство давно бы засохло и заглохло, а оттого, что Раскольников убивает топором старуху-процентщицу, насилия в мире больше не

Вы знаете уже, что из 25 тысяч видеосалонов, которые опутали страну от Москвы до медвежьих и тюленых окраин и демонстрируют весьма несложное устройство мужества и счастья, почти половина принадлежит комсомолу. Но платные услуги комсомла населению, еще недавно обделенному сервисом, на этом не кончатся, инициатива и молодая неуемная предприимчивость ищут и находят такие виды услуг, какие Западу и не снились. В Куйбышевском университете, например, комсомол открыл службу круглосуточной экстренной доставки по сигналам граждан презервативов, а в районном селе

валяется многотысячным залом.

Это слово с великим трудом я еще решаюсь произнести. Но вот название фильма, который выпущен недавно Одесской киностудией и стал главным культурным событием сезона, — язык не поворачивается. Где-нибудь в дремучем лесу еще куда ни шло, да и то с опаской и оглядкой, не услышал бы какой приличный зверь. Однако мат настолько пришелся по душе создателям фильма, так влезла в плоть и кровь их интеллектуальных натур и так точно отразил художественную сущность их работы, что без него — ну никак! На премьере

Стало быть, потребуются не мнения, на которые будет давить «прогрессивная» пресса, а четкие правовые принципы, которые бы не позволили пожимать плечами: нельзя, но можно.

Прежде всего нужен закон о кино. Те произвол, бандитизм и бесстыдство, что утвердились сегодня в кино, постановлением не усмирить. Созданная год назад ассоциация по прокату, а теперь и по производству фильмов — Аскин, руководимая еще одним советским миллионером Исмаилом Таги-заде, за один только мах закупила ни много ни мало — 138 американских фильмов. Случилось это, судя по всему, еще до кинорынка в Лос-Анджелесе в феврале-марте этого года. Если так — там новая располным-полна коробушка. Нередко приобретаются фильмы, которых нет в каталоге и от которых, стало быть, американский и европейский зритель оберегается. Нашему все годится.

Если бы это только была одна ассоциация!.. Они сейчас растут, как грибы. Есть «Евро-АСК» под руководством доктора искусствоведения Кирилла Разлогова (АСК — американо-советская киноинициатива, для необъятного советского кинозаглаживания она показала организаторам узкой, тогда и в Америке была пристегнута еще и Европа), есть Ассоциация делового сотрудничества с зарубежными странами — МОСТ. Соединенными усилиями две последние проводят кинофестиваль шедевров европейского кино. Среди «шедевров» — «Ночной портье», демонстрируемый в московском кинотеатре «Октябрь», зрителя ждет «Империя чувств», фильм японского происхождения, на родине запрещенный для показа, а также «Мистерия органики», своей открытостью способный повергнуть в ужас любого прокатчика, кроме, разумеется, нашего.

Мы любим ссылаться на зарубежный опыт. Сошлось и я. Во Франции, и не только во Франции, по закону доля иностранных фильмов должна быть меньше отечественной. Почти всюду отечественное кино находится в лучших условиях, и лишь у нас оно полностью брошено на произвол судьбы. Прокатчики приличные фильмы, без голых женщин и без сцен насилия, не берут, режиссеры, чья конъюнктура, поставляют то, что от них требуют, и у зрителя почти не остается возможности выбора. В считанные годы погубили мы его вкус и культуру. Он вынужден существовать в том духовном Чернобыле, который его окружает. Перехать некуда, всюду одно и то же. Я как-то плохо представляю, что даст новый порядок регистрации видеозрелищ и получения прокатных удостоверений — ведь все это было и все улетело в тартарары. Где гарантия, что снова не улетит на второй же день после принятия постановления?!

Нужен, кроме того, закон о творческих союзах. В составе ли закона о культуре или отдельно, это не так уж и важно. Государство, которое в рыночных условиях отказывается покровительствовать искусствам, рискует растерять последние нравственные и духовные ценности и обресть себя на массовое одичание.

Хоть и непопулярные это нынче речи, но если уж действительно хотим мы приостановить разрушение культуры и морали, без нравственной цензуры, я считаю, нам не обойтись. Все остальное будет полумерами. Ссылаться так ссылаться — нравственная цензура, нравственная полиция существуют и в цивилизованных странах, и никого они там не пугают. В каждый наш дом вломился насильник, миллионы людей молят о помощи, и помощь эта действительно должна быть скорой и эффективной.

Сов. Россия. — 1991. — Восток — с. 2

Так можно или нельзя?

стало. И от многочисленных убийств у Агаты Кристи тоже не доказано, что есть среди нас потерпевшие.

Аргументация по меньшей мере неловкая. Приходится напоминать, что роман Достоевского называется «Преступление и наказание» и посвящен вечным и страшным мукам человеческой души, бесконечному наказанию за один только миг преступления. То, что творится у нас и чему посвящен документ, пытается пребывать в вечном преступном блаженстве не только без мук, но даже и без страха перед наказанием. И вспоминать в данном случае великих — это значит призывать их в лжесвидетели, будто порок не хуже добродетели. Где угодно позволено путать божий дар с яичницей, но не в искусстве. Венера Милосская — это, будем надеяться, все-таки не Трейси Адамс, одна из американских порнозвезд, тод кличкой «гремучая змея», которая приезжала недавно в Москву, чтобы натаскивать своему ремеслу русских избранниц и сняться в порнофильме на фоне Кремля. Точно так же Эрмитаж — это не застывший в полотнах и камне бардель.

Мир может захлебнуться в крови от насилия и в грязи от пошлости и разврата, но не: одна капля их никогда не упадет и не запятнает целомудренную наготу произведения искусства, независимо от того, жил ли его творец в левности или живет сейчас. Если что-то и способно спасти мир, то это по-прежнему, как и при Достоевском, будет красота, а не пошлость и не одичание.

Очень хотелось бы, чтобы перед тем, как обсуждать текст постановления, вы еще раз прошлись по тем местам, где распинают нравственность, почти все они имеют отношение к тому разряду заведений, которые именуются очагами культуры. Не мне быть проводником вам, каждому из нас есть что показать и рассказать. Но с полной ответственностью за свои слова берусь утверждать, что подобного обвала грязи никогда и нигде не было. Мы превзошли в самоотверженности падения всех: древний Рим шел к своему разложению веками, мы шлепнулись одним махом. Правда, в Древнем Риме не было кино и телевидения, к тому же там не было комсомла, чья неукротимая энергия и весьма немалая идеологическая оснащенность были брошены на проведение революции в нравах. Коммунистический союз молодежи решил, что чего уж там гоняться за социальным призраком, если золотая жила вот она, рядом, стоит лишь сбросить нацепленную лямку на набедренную повязку.

Борск той же Куйбышевской области коммерческий центр райкома комсомла ударился по фольклорной части, догадавшись за твердую и мягкую валюту предлагать скачущим мужчинам на ночь сказки, которые мастерицы рассказывать студентки местного медицинского училища.

Не стану докучать дальше перечнем подобных услуг, всего этого сейчас — хоть Волгу пруди.

Вы, уважаемые депутаты, тоже не в резервации живете и видите, какого размаха достигло паразитирование на темных человеческих страстях и на тех сторонах жизни, которые прежде подпадали под действие и контроль стыда. И вам, надо полагать, 14-летние юнцы суят в подземных и наземных переходах официально зарегистрированные, не говоря уж о подпольных, листки с предложением то свеженьких трупов, то малолетних детей. Скажите: где-нибудь еще, кроме нашего милого Отечества, такое допустят? Или это тоже нуждается всего только в регламентировании? Но и в солидных изданиях вы постоянно натываетесь на доброе слово, замолвленное за бедных девочек-проституточек, вынужденных в поте тела своего добывать хлеб насущный и до сих пор не признанных законом, по какой причине и нельзя им организоваться в профсоюз, чтобы, по примеру кинематографистов или работников метеослужбы, объявлять политические забастовки с требованием отставки Президента.

Вы смотрите телевизор, ходите в театр, на книжных прилавках встречаете продукцию, которой еще недавно не могло быть, и не можете не замечать, какого рода «художественные прелести» выставляет напоказ барышня, которую еще вчера называли искусством, отданная в лапы «свободного рынка».

Многое вы знаете, но истину — нельзя объять необъятное, во многое мы не хотим или боимся заглядывать. Едва ли кто из вас был приглашен на концерт рок-группы «Коррозия металла», которая взялась помочь Министерству просвещения и (цитирую слова руководителя) «изменить методу советского образования». Новая метода, как все гениальное, удивительно проста и заключается в призыве «трахайте!», который выкрикивается со сцены, для наглядности выводится во всех мыслимых и немыслимых местах кириллицей и латынью, демонстрируется в такт музыке полуголыми девицами и, конечно, очень легко усваи-

фильма в Доме кино два месяца назад это слово соединило всех, даже политических противников, с этим словом люди искусства бросались друг к другу в объятия, оно витало и звучало на мужских и женских устах — да еще под волнующее порхание надутых презервативов.

Да, Москва заслужила возвращение булгаковского Мессира, а уж он безошибочно нашел в Доме кино, этой цитадели политического и нравственного плюрализма, достойное себя место для проведения репетиции, перед тем как давать свой знаменитый бал. Для бала Сатаны, вероятно, уже подана заявка на Кремлевский Дворец съездов, который в последнее время снимался подручными Мессира для разных нужд неоднократно. А может быть, и весь Кремль вместе с Красной площадью уступят для вселенского шабаша, ныне за твердую валюту не церемонятся со своими святынями, а желающих попасть на увлекательное представление и явить, так сказать, свою натуру, будет хоть отбавляй.

А мы еще удивляемся росту молодежной преступности. Большая ее часть из ужасающего нас процента, бесомненно, ляжет на ту кашу, которую мы обжуждаем.

И вот на фоне этой весьма и весьма печальной действительности, над которой денно и нощно должен раздаваться набат беды, проект постановления, как мне кажется, выглядит таким мелодичным бубенчиком, что подвешивается на шею домашнему животному, чтобы знать о его местопребывании. Тот зверь, о котором мы ведем речь, не домашнее животное, а страшный хищник, калечащий тысячи и миллионы судеб, и он уже полностью диктует свою волю. Уговорами его не убедить.

Наивные мы, право, люди: как будто Государственная экспертная комиссия, которой поручается давать оценку так называемой культурной продукции, сможет провести четкую разделительную черту между полезным и вредным. Четыре месяца работала комиссия над созданием этого проекта, и, настолько я могу судить, главное, в чем ей не удалось договориться, — что считать в искусстве допустимой эротикой и что недопустимой порнографией. А будет ли в товарищах согласие в экспертной комиссии? Не будет и не может быть — если товарищи станут подбираться по принципу представительства от различных культурных течений, чтобы никого не обидеть — ни искусствоведов, ни искусствоведов. Вот и потянут каждый в свою сторону.